Проклятие скрипача

Золкин Алексей С.

Первое издание

Алексей Золкин

«Проклятие скрипача»

«Автор»
2026

Золкин А. С.

«Проклятие скрипача» / А. С. Золкин — «Автор», 2026

Он мечтал лишь о музыке, но однажды заключил сделку с самим Дьяволом, обрёкшую его на бессмертие. Эдвард пережил столетия, видел, как рушатся королевства и уходят поколения, но не смог забыть единственную женщину, которую любил, — Элизабет. Его скрипка заставляла людей плакать, а сердце продолжало ждать невозможного. Это пронзительная история о любви сильнее смерти, цене вечности, раскаянии и надежде на прощение.

© Золкин А. С., 2026
© Автор, 2026

Алексей Золкин
«Проклятие скрипача»

ПРОКЛЯТИЕ

СКРИПАЧА

Готическая баллада о любви, которой оказалось мало одной жизни

Золкин Алексей С.
Первое иллюстрированное издание · 2026

Тем, кто однажды потерял любимый голос —

и всё ещё узнаёт его среди тысяч других.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ. ДОМ, В КОТОРОМ НЕ КОНЧАЛСЯ ВЕЧЕР
ГЛАВА 1. ГОРОД НА КРАЮ ДОЖДЯ
ГЛАВА 2. СОБЕСЕДНИК БЕЗ ТЕНИ
ГЛАВА 3. МУЗЫКА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ КУПИТЬ
ГЛАВА 4. ЭЛИЗАБЕТ ВИНТЕР
ГЛАВА 5. ПЛАТОК С ОДНОЙ БУКВОЙ
ГЛАВА 6. ПРАВО БЫТЬ ОБЫКНОВЕННЫМ
ГЛАВА 7. 1349 ГОД. КЛЯТВЫ ПОД КОЛОКОЛАМИ
ГЛАВА 8. ТАК ЗВУЧИТ СЧАСТЬЕ
ГЛАВА 9. ВЕЩИ, КОТОРЫЕ ПРОХОДЯТ НЕЗАМЕТНО
ГЛАВА 10. ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА
ГЛАВА 11. КОГДА ПОГАСЛО ОКНО
ГЛАВА 12. ДЕТИ ТОЖЕ СТАНОВЯТСЯ ВОСПОМИНАНИЯМИ
ГЛАВА 13. ПЕРЕД ДВЕРЬЮ ЧУЖОГО ВЕКА
ГЛАВА 14. ТЁПЛЫЙ СВЕТ В САМЫХ ТЁМНЫХ КОМНАТАХ
ГЛАВА 15. КОГДА НАУЧИЛИСЬ ОСТАНАВЛИВАТЬ ВРЕМЯ
ГЛАВА 16. НОЯБРЬ 2026 ГОДА
ГЛАВА 17. ТАЙНОЕ УСЛОВИЕ
ГЛАВА 18. РАЗГОВОР, КОТОРОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НА СЦЕНЕ
ГЛАВА 19. ПЕРВЫЙ ОБЫКНОВЕННЫЙ ДЕНЬ
ЭПИЛОГ. МЕЛОДИЯ, ОСТАВШАЯСЯ В ДОМЕ

ПРОЛОГ. ДОМ, В КОТОРОМ НЕ КОНЧАЛСЯ ВЕЧЕР

В ноябре 2026 года в старом доме на тихой улице горела всего одна лампа.

На столе лежали два обручальных кольца. Одно — широкое, потемневшее от времени; второе — тонкое, с едва заметной царапиной у самого края. Рядом белел платок, на котором выцвели вышитые когда-то нити: простая буква «Э». Платок был таким старым, что его нельзя было разворачивать без осторожности. Хрупкая ткань уже не помнила тепла рук, но человек за столом помнил.

Он помнил не только день, когда получил платок. Он помнил, как Элизабет прикусила нижнюю губу, пытаясь спрятать улыбку, как уколола палец иглой и сердито объявила, что шитьё придумано исключительно для наказания терпеливых людей. Помнил, как снаружи шёл

дождь и как легко было тогда поверить, будто впереди у них бесконечное количество таких дождливых вечеров.

Мужчина поднял кольцо к свету. Его руки оставались молодыми. Это было их самое жестокое свойство.

В комнате стояли старинные шкафы, портреты в потускневших рамах, фотографии — строгие, выцветшие, цветные. На каждой были лица людей, которых он когда-то держал за руку. На самых ранних портретах — лица его детей. На более поздних — их детей. Затем незнакомые для постороннего глаза лица, в которых он всегда находил знакомую линию губ, поворот головы, улыбку, доставшуюся от женщины, умершей много веков назад.

Дом менялся, перестраивался, получал электричество, новые окна, водопровод, но небольшая комната в глубине оставалась почти такой же, какой была при Элизабет. Никто не смеялся над этой прихотью. Человек, хранивший её, умел говорить так спокойно, что окружающие принимали его решения за обычную любовь к старине.

На стене висела скрипка.

Её дерево потемнело; износившийся футляр давно заменили, а сам инструмент берегли особенно тщательно. Когда-то о музыканте, которому она принадлежала, говорили от пристани до дворцовых залов. Люди плакали, слушая его, и не всегда понимали почему. Но теперь смычок лежал без движения.

— Элизабет, — произнёс мужчина.

Он не ожидал ответа. За столетия человек привыкает к тишине так глубоко, что порой сам пугается собственного голоса.

Он коснулся пальцами буквы на платке и закрыл глаза. И перед ним возник не ноябрьский дом, не фотографии и не долгие века, а сырой, пахнущий морем город, в котором когда-то всё началось.

Город был молод, а он — смертен.

И в те дни ему казалось, что нет на свете горя страшнее, чем никогда не научиться играть по-настоящему.

ЧАСТЬ I. ЦЕНА ОДНОЙ НОТЫ

ГЛАВА 1. ГОРОД НА КРАЮ ДОЖДЯ

В 1348 году над городом Святого Брендана почти всегда стоял ветер. В этой Америке, не похожей на ту, что однажды появится на картах будущих столетий, каменные колокольни соседствовали с деревянными причалами, а уличные торговцы спорили под развевающимися знамёнами. Моряки привозили к берегу чужие песни и странные истории, но к вечеру всё звучало одинаково: волны ударяли о сваи, колокол созывал людей на молитву, дождь стучал по крышам.

Эдвард любил этот звук. Ему казалось, будто сам город пытается сыграть мелодию и каждый раз сбивается.

Он был молод, беден и упрям. Его скрипка стоила больше всего, чем он владел; футляр давно потерял одну застёжку, и от сырости дерево требовало бесконечной заботы. Он подрабатывал там, где соглашались платить за музыку, но чаще играл просто так — у ворот, на пристани, возле церкви, где люди не торопились прогонять юношу, если звучало достаточно тихо.

Он умел удержать мелодию. Не умел только заставить её сказать то, что чувствовал.

Вечерами Эдвард возвращался в тесную комнату над мастерской, ставил свечу у окна и повторял одну и ту же фразу, пока боль не поднималась от пальцев к запястью. Ему слышалась музыка лучше любой созданной им. Она была у него внутри: огромная, печальная, такая ясная, что сердце начинало биться быстрее. Но как только он касался струн, она рассыпалась на непослушные звуки.

Однажды с улицы донёсся смех. Эдвард оборвал игру и услышал слова о том, что на пристани даже чайки кричат стройнее. Шутку не произносили со злобой. Оттого она уязвила сильнее.

Он долго сидел у окна, глядя, как вода стекает по стеклу. Мир был полон людей с руками, способными к чудесам: ремесленники вырезали из дерева тончайшие узоры, женщины вышивали цветы на полотне, строители поднимали своды, под которыми человеческий голос становился почти небесным. Почему же у него руки подводили сердце?

На следующий день он играл перед воротами знатного дома. Гости проходили мимо, не задерживаясь. Монеты звякнули у его ног, но одна упала в лужу, и Эдвард не поднял её. Он не был гордым настолько, чтобы презирать хлеб. Просто он мечтал не об этом. Он хотел, чтобы кто-нибудь остановился потому, что услышал в музыке собственную жизнь.

Старый дождь вернулся к вечеру. Город затих. Эдвард стоял под навесом с мокрой скрипкой в футляре и думал, что жизнь пройдёт прежде, чем он научится произносить самое важное.

Тогда он впервые пожелал таланта так отчаянно, словно просил не о мастерстве, а о спасении.

В ту ночь он не молился. Он сказал в темноту:

— Я отдал бы всё, чтобы однажды меня услышали.

Он не знал, как дорого бывает слово «всё», если произнести его без остатка.

ГЛАВА 2. СОБЕСЕДНИК БЕЗ ТЕНИ

Дождь шёл третий час, когда в комнату постучали. Стук был негромким, почти вежливым, и оттого неожиданным: никто не навещал Эдварда так поздно.

За дверью стоял мужчина в тёмном плаще. На его воротнике не было воды, хотя ступени под ногами блестели от ливня. Незнакомец выглядел таким спокойным, будто опоздал не на встречу, а на представление, где давно знал концовку.

— Ты звал, — сказал он.

Эдвард хотел ответить, что никого не звал. Но передумал. Не было смысла спорить с человеком, который смотрел на скрипку так, словно уже слышал её будущие мелодии.

Они сели друг напротив друга. Незнакомец не назвал имени; этого и не требовалось. Он говорил о мелодиях, которые рождались и умирали в голове Эдварда, о стыде перед безмолвной толпой, о невозможности объяснить другим то, что самому казалось важнейшим на свете. Ни один живой человек не знал о нём столько.

— Ты получишь руки, которым не придётся учиться, — произнёс гость. — Сыграешь так, как ещё не играл никто. Твои ноты заставят вспомнить то, что люди прячут даже от себя.

— И сколько это стоит?

— Не золота.

— Тогда чего?

Незнакомец улыбнулся без веселья.

— Твоей души.

Молодой человек опустил глаза на скрипку. Всё сделалось пугающе простым: несколько слов могли раз и навсегда решить то, чему он посвятил годы. Он знал, что должен выгнать гостя. Но воспоминание о каждой неудачной ноте было уже невыносимым.

— А если я стану знаменитым?

— Это будет твоим выбором.

— Если захочу играть бедным?

— И это тоже.

Эдвард долго молчал. Человек напротив не торопил; вечность умеет ждать лучше всего.

— Я хочу не славы, — сказал наконец скрипач. — Я хочу, чтобы люди, услышав мою музыку, вспомнили, ради чего живут. Чтобы они перестали хотя бы на мгновение быть одинокими.

— Прекрасное желание, — отозвался гость. — Ты удивишься, сколько бед можно совершить ради прекрасных желаний.

Эдвард не понял предупреждения. Или не захотел понять.

Он согласился.

Не было огня, грома, громких клятв. На столе лишь погасла свеча. В наступившей темноте Эдвард вдруг почувствовал необыкновенную лёгкость пальцев, словно они наконец принадлежали ему целиком.

— Ты обещал талант, — прошептал он.

— Ты его получил.

— А что будет потом?

— Потом, — тихо ответил Дьявол, — будет очень много времени.

Когда Эдвард зажёг новую свечу, комната была пуста. Он ещё не знал, что в последних словах скрывалось условие, которого ему никогда не объясняли. Он продал душу за искусство. Бессмертие ему не предлагали. Оно оказалось вписано в его судьбу чужой рукой.

Под утро он взял скрипку.

Первый звук был так совершенен, что Эдвард расплакался. И в эти минуты он плакал от счастья.

Музыка, которую слышат сердцем

ГЛАВА 3. МУЗЫКА, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ КУПИТЬ

Первый настоящий концерт случился не во дворце. Он случился на рыночной площади, возле колодца, где по утрам бранили друг друга торговцы, пахло рыбой, горячим хлебом и мокрой соломой.

Эдвард начал с простой мелодии, которую слышал ещё ребёнком. Но теперь каждый звук обрёл глубину. Он больше не ловил музыку — она шла навстречу. Смычок двигался легко, без усилий, и даже самому скрипачу казалось, будто инструмент наконец разрешил ему говорить.

Сначала замолчали двое возле хлебной лавки. Затем остановилась женщина с корзиной. Кто-то забыл поднять упавшую перчатку. Дети перестали толкаться у фонтана. На площади возникло то редкое молчание, которое рождается не от страха, а от полного внимания.

Эдвард играл о доме, в который невозможно вернуться. О ладони, которая когда-то лежала поверх другой ладони. О людях, чьи имена начинают произносить всё тише, чтобы никто не заметил, как больно их вспоминать.

Он не знал, какие воспоминания слышит толпа. Но по лицам понял: у каждого была собственная история.

Когда музыка умолкла, никто сразу не хлопал. Женщина у колодца вытерла слёзы рукавом, пожилой торговец снял шапку, а ребёнок обнял мать так крепко, словно боялся опоздать.

Эдвард ожидал радости. Вместо неё почувствовал страх: неужели теперь он способен касаться чужой печали так просто?

У его ног посыпались монеты. Он наклонился лишь затем, чтобы поднять выпавшую из чьей-то руки детскую ленту, и протянул её маленькой девочке. Та поблагодарила шёпотом, будто они находились в церкви.

— Деньги оставьте себе, — попросил он слушателей. — Купите хлеба, сходите к тем, по кому скучаете. А если не можете — просто назовите их по имени.

К вечеру город говорил о новом скрипаче. На следующий день его пригласили сыграть в богатом доме; через неделю — на торжестве. Он соглашался не всегда. Ему было радостнее видеть в толпе усталого человека, который после концерта вдруг улыбался тому, кто стоял рядом.

И всё-таки что-то изменилось. С каждым днём пальцы слушались совершеннее, но по ночам он вспоминал темноватую комнату и незнакомца, обещавшего много времени. Эдвард пытался убедить себя, что всё было сном. Зачастую убеждал.

Однажды после выступления из раскрытых дверей галереи он услышал женский смех. Не надменный и не громкий — удивительно живой, как первый весенний ручей на камнях.

Он поднял голову.

На верхней ступени стояла молодая женщина в светлом платье. Она ещё не знала его имени, а он — её. Между ними двигались гости, сновали слуги, звенела посуда. Но Эдвард вдруг понял странную вещь: впервые за долгое время он хотел не играть, а слушать.

ГЛАВА 4. ЭЛИЗАБЕТ ВИНТЕР

Её звали Элизабет Винтер. Она была дочерью лорда Эдварда Винтера, человека, которому принадлежали сады, каменные террасы и большой дом над бухтой. О её красоте говорили так часто, что она научилась не обращать на эти разговоры внимания.

Элизабет не любила, когда её сравнивали с цветком. Цветы, по её мнению, заслуживали куда больше свободы: их не заставляли выбирать улыбку в зависимости от того, кто вошёл в комнату.

Эдвард познакомился с ней после вечернего выступления. Он стоял у открытого окна, пытаясь спрятаться от поздравлений. Элизабет подошла не сразу, а когда музыка уже стихла и гости переключились на собственные беседы.

— Вы сыграли странную мелодию, — сказала она.

— Плохую?

— Нет. Странную потому, что я вдруг вспомнила голос матери, хотя целый год боялась, что забыла его.

Он опустил взгляд. Такую благодарность он принимал неохотно: она казалась слишком дорогой.

— Простите, если сделал вам больно.

— Вы не сделали. Мне стало легче.

Она сказала это просто, без красивых выражений, и ему захотелось ответить с той же прямотой. Но нужные слова не нашлись. Он умел теперь играть о любой тоске, однако обыкновенный разговор с женщиной, стоявшей перед ним, лишал его уверенности.

Элизабет заметила, как он нервно перебирает пальцами по футляру.

— Вы всегда так смущаетесь, когда не держите скрипку?

— Только когда меня слышат без неё.

Элизабет рассмеялась. И Эдвард, не понимая почему, рассмеялся вместе с ней.

Они вышли на террасу. С бухты доносился солёный ветер, факелы бросали неровный свет на белые ступени, а вокруг пахло поздними цветами. Элизабет говорила о море, о книгах, которые читала тайком от наставников, о своём несносном желании самостоятельно выбирать дорогу. Он отвечал о скрипке, о тесной комнате над мастерской, о том, как способен целый день слушать дождь.

— Значит, вам нравится дождь? — спросила она.

— Он не требует быть лучше, чем я есть.

— Хорошая причина. Я тоже его люблю.

Когда поздно вечером Эдвард вернулся домой, он впервые не открыл футляр. Сел у окна и пытался вспомнить голос Элизабет. Не особенные слова, а то, как она сказала «мне стало легче».

В ту ночь музыкант, которого уже называли величайшим, боялся только одного: что никогда больше не услышит её смех.

ГЛАВА 5. ПЛАТОК С ОДНОЙ БУКВОЙ

Они виделись всё чаще. Иногда на террасе дома Винтеров, иногда в саду, где скамьи были покрыты тонкой плёнкой дождевой влаги. Элизабет приходила с книгой и почти никогда её не открывала. Эдвард приносил скрипку и почти никогда не играл.

Однажды она спросила его, чего он больше всего хотел до того, как стал знаменитым.

— Научиться играть, — сказал он.

— А теперь?

Он посмотрел на неё. Листья качались над светлыми волосами, и несколько маленьких капель упали на её рукав.

— Чтобы следующий четверг наступил скорее.

— Почему четверг?

— Потому что тогда вы снова будете здесь.

Элизабет опустила глаза и спрятала улыбку. В тот день она впервые позволила ему держать свою руку чуть дольше, чем требовала вежливость.

Вскоре она принесла маленький белый платок. У края криво, но старательно была вышита буква «Э».

— Я пыталась вышить цветок, — призналась она. — Но он стал похож на извиняющегося паука. Поэтому решила начать с буквы.

— Самая прекрасная буква, какую я видел.

— Не смейтесь. Я уколола палец трижды.

Эдвард бережно взял платок. С тех пор он носил его ближе к сердцу, чем любой подарок, полученный за музыку.

Любовь не пришла к ним как громкая клятва. Она складывалась из простых вещей: места на скамье, которое Элизабет оставляла свободным; шагов Эдварда, узнаваемых на гравийной

дорожке; из того, что оба одновременно оборачивались на звуки дождя; из привычки не прощаться окончательно, а говорить «до завтра» даже тогда, когда до следующей встречи было несколько дней.

Но чем крепче становилось счастье, тем чаще Эдвард просыпался ночью, ощущая ледяную тревогу. Он помнил сделку. Особенно ясно — те последние слова гостя.

«Будет очень много времени».

Не находя объяснения, он просил себя не думать о будущем. Разве не все влюблённые сначала уверены, что любовь сильнее любых условий? Разве мог он тогда представить, сколько лет будет жить с одной-единственной буквой, вышитой на платке?

Однажды они сидели под яблоней, и Элизабет попросила сыграть только для неё. Эдвард поднял скрипку, но прежде чем коснулся струн, она остановила его ладонью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.